

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО

DOI: 10.17805/zpu.2021.1.15

Глобализация и кризис национальной идентичности: в поисках новых форм репрезентации

Р. Т. Мухаев

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

Предмет данного исследования — процесс трансформации форм национальной и субъективной идентичности в условиях глобализации. Цель исследования — выявление специфики формирования когерентной идентичности под влиянием вызовов современной глобализации и ограниченности ресурсов национального государства. Научная новизна исследования заключается в анализе новых типов социальной репрезентации в условиях кризиса национальных государств и конструирования механизма культурного наследования в рамках модели «демократического гражданства». Сегодня национальная идентичность не представляет собой форму позиционирования социальных общностей, где доминирует один дискурс. В реальности национальная идентичность включает в себя сложный набор конкурирующих моделей репрезентаций, ориентированных на разные идеалы и ценности. В условиях современной глобализации формируется когерентный тип множественной идентичности, способной совмещать универсальные принципы демократии с базовыми ценностями локальных культур. Еще в большей степени глобализация изменила механизм конструирования субъективной идентичности, упразднила ее границы и породила множественность форм ее репрезентации. Глобализация вызвала смену способов идентификации индивидами событий и явлений, породила неэффективность социальных институтов, эфемерность культурных проявлений, кризис смыслов и, как следствие, смену базовых парадигм жизнедеятельности личности и общества. Повседневная жизнь превратилась в комплекс реакций на абстрактные схемы, культивирующие меняющиеся социально-идентификационные привязанности личности.

Ключевые слова: глобализация; национальное государство; национальная идентичность; политическая идентичность; социокультурная идентичность; территориальная идентичность; региональная идентичность; цивилизационная идентичность; религиозная идентичность

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то что национальное государство по-прежнему остается основной структурной единицей мирового порядка, его субъектность сегодня ограничена появлением новых акторов международной политики — надгосударственных образований, международных правительственных и неправительственных организаций, транснациональных корпораций и т. д. Порожденные глобализацией международных отношений, эти акторы стали не менее влиятельными, чем национальное государство, и взяли на себя право вмешиваться во внутренние дела отдельных стран

и осуществлять такие действия, которые прежде были сферой исключительной компетенции государства. Более того, новые акторы (интернет-медиа, социальные сети, IT-компании) трансформировали не только экономику национальных государств, но и оказывают существенное влияние на социокультурную сферу, а следовательно, на процессы формирования картины мира, ценностей, формы идентичности. Принимая гуманитарную сферу под свою опеку, они устанавливают собственные правила ее функционирования и развития, как это сделали цифровые гиганты «Твиттер», «Фейсбук», «Телеграмм» в США в январе 2021 г. На волне эйфории от победы либерального кандидата Дж. Байдена на президентских выборах 2020 г., они заблокировали аккаунты действующего Президента США республиканца Д. Трампа, многочисленных пользователей популярных социальных сетей, отражавших иную точку зрения на результаты выборов. Был создан прецедент, открывающий дорогу к установлению режима «цифрового гетто», суть которого в навязывании «правильных форм» восприятия реальности и моделей социального самоопределения.

Влияние глобализации на формы субъективной и групповой репрезентации разнообразно, как многолика и сама глобализация. Ее американская версия, конструируя с помощью технологий «Soft Power» универсальный контекст пространства идентичностей, одновременно стимулировала активность локальных идентичностей, привязанных к исторической и культурной средам отдельных территорий. В эпоху глобализации существенно возросла и роль гендерной, этнической и социокультурной идентичности, что влияет на формы восприятия и оценивания реальности. В ситуации неопределенности и нарастающего социального разнообразия активизируется поиск форм социального позиционирования, значительное место в которых занимают факторы цивилизационной, территориальной, региональной, национальной, религиозной, политической принадлежности к определенным общностям и группам. С точки зрения политической науки особый интерес вызывают коллективные привязанности, выражающиеся в форме этнической и политической совместимости. В современных условиях национальная идентичность уступает влиянию региональной и локальной (местной) идентичности. Доминантой политической идентичности становится цивилизационная совместимость.

В значительной мере все эти трансформации являются следствием влияния процесса глобализации, приведшего к распаду прежних форм персональной и национальной идентичности. При этом кризис национально-культурной идентичности обернулся доминированием конфликтных форм репрезентации внутри западных и незападных сообществ. Это создало преграды на пути достижения ментального единства и жизнеспособности современных наций, демонтировало прежние механизмы культурного наследия, но не создало конструктивных идентификационных практик, адекватных условиям неопределенности и нарастания социального разнообразия.

Сложность идентификационных процессов в разных странах мира обусловлена одновременным и разнонаправленным влиянием процессов, запущенных глобализацией, галолирующим неравенством «бедных» и «богатых» стран, сегментацией государственного суверенитета, распадом «старых» сценариев мультикультурализма, недостаточностью ресурсов множественной идентичности, политизацией идеи культурных различий. В условиях транснационализации многие современные государства видят в сохранении своих культурных традиций и ценностей важный ресурс «мягкой силы», позволяющий повысить привлекательность страны в мировом общественном мнении, ее международный авторитет. По этой причине страны, пози-

ционирующие себя как национальные государства (США, Китай, Франция, Япония, Иран), стремятся создать своим гражданам правовые условия культурного самоопределения и сохранения своей этнокультурной идентичности, реализация которых предлагается в рамках широкого спектра форм демократических участия.

Теоретическая актуальность исследования обусловлена тем, что в контексте глобализации с ее противоречивыми тенденциями, где универсализация противостоит локализации, самобытности и уникальности субъектов мирового сообщества, проблема национальной идентичности требует нового осмысления. Практическая актуальность исследования состоит в поисках механизмов социокультурной модернизации, способных адаптировать личность и государство к меняющейся реальности, которая характеризуется нарастанием неопределенности и беспрецедентным ростом социального разнообразия, вызванного сменой технологического уклада.

Гипотеза исследования: благодаря новым СМИ и социальным сетям, современная глобализация формирует когерентный тип множественной идентичности, в котором причудливо сочетаются как лояльные, так и конфликтные, экстремистские формы национальной и субъективной репрезентации. Насколько готово справиться с этим вызовом национальное государство или оно должно уступить место государству без наций?

КОНЦЕПТ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Понятие «идентичность» (от лат. *identifico* — отождествляю) в научный оборот было введено еще Аристотелем. Однако с той поры, в зависимости от запросов времени, его интерпретации в гуманитарных и социальных науках менялись, актуализируя те или иные свойства данного феномена (Брюшкин, 2010, 84–93)

Несмотря на значительное количество научных разработок, посвященных тем или иным аспектам проблемы идентичности, ее видовым проявлениям, вопрос о возможных путях преодоления внутренних противоречий постиндустриальной множественной идентичности по-прежнему остается открытым и требует дальнейшего научного осмысления. Актуальность данного запроса заметно возросла в условиях глобализации, запустившей механизм свободного перемещения товаров, услуг и рабочей силы, вызвавшей миграционный кризис, процессы межцивилизационного взаимопроникновения. Глобализация ниспровергла принцип исключительной культурной или политической принадлежности индивида к одному государству, поставив вопрос о необходимости новых маркеров социальной репрезентации. Сегодня национальная идентичность уже не представляет собой исключительную форму позиционирования социальной общности, где доминирует один дискурс. В реальности национальная идентичность множественна и состоит из набора разнообразных конкурирующих моделей социальной репрезентации, в основе которых лежат различные идеалы и ценности. В этой ситуации чрезвычайно важным представляется научное обоснование концептуальных основ современной гуманитарной политики в контексте повышения эффективности действующих механизмов коллективной и индивидуальной идентификации на основе самоорганизации, толерантности, диалога культур.

В исследованиях идентичности можно выделить ряд методологических подходов, стремящихся прояснить существо данного феномена.

В парадигме социального конструктивизма создание социальной реальности происходит в процессе коммуникации индивидов и групп. Причем когнитивные основы конструирования — его ментальные образы, ценности, смыслы — предшествуют

появлению объективных социальных институтов. Социальная реальность конструируется действиями акторов и политического дискурса, который формирует пространство политических идентичностей (Бергер, Лукман, 1995; Андерсон, 2016). Ключевой идеей в понимании внутреннего содержания идентичности как политического и общественного явления, по Б. Андерсону, выступает теория «воображаемых сообществ». Согласно ей, определенная группа людей может ощущать и разделять идею своей общности, не имея представления об остальных участниках группы. Не зная друг друга, участники «воображаемого сообщества» разделяют общую идентичность, проявляющуюся в особом языке, традициях, социальных нормах и культуре. Поскольку идентичности свойственна опора на атрибуты «воображаемого», постольку членство в таком сообществе зачастую выражается в обращении к общей переживаемой истории, национальным символам и мифам (Андерсон, 2016: 48). От себя заметим, что в условиях господства Интернета «воображаемые сообщества» обретают вполне конкретный визуальный профиль.

Теорию Б. Андерсона дополняет подход А. Бригевич (США), которая вводит в аналитический дискурс понятие «территориальная идентичность». По ее мнению, идентичность служит двум потребностям человека: включению (желание принадлежать к чему-либо, к кому-либо) и дифференциации (потребность в обретении собственной индивидуальности) (Brigevich, 2012: 205–207). Однако интерпретация идентичности как политического феномена, который конструируется в процессе взаимодействия политических акторов, делает его трудно уловимым, поскольку сообщает ему свойства множественности, текучести и гибридности. По этой причине некоторые авторы, в частности Р. Брубейкер, ставят под сомнение эвристическую значимость самого термина «идентичность» для социально-политических исследований (Брубейкер, 2012).

В рамках методологии символического интеракционизма идентичность рассматривается как часть символического пространства политики и воспринимается в качестве маркера отличия одних общественных групп от других. Политические акторы используют символическую «нагрузку» идентичности с целью групповой мобилизации для достижения политических целей (Блумер, 2017; Мид, 2009). В этом смысле дискурс политической идентичности выступает одним из элементов организации политического пространства и механизмов политической конкуренции.

С позиций элитологического подхода идентичность формируется элитами и затем вносится в сознание масс. Сторонники этого подхода понимают «идентичность» как «ощущение принадлежности к группе и приверженность общим ценностям, которые разделяет группа» (Гончарик, 2010: 18). Они отмечают: «В ходе формирования и закрепления идентичностей элитами появляются новые символы, мифы и образы. Все интерпретации событий и процессов, которые касаются жизни страны, региона, определяются внутренними границами, определенными политическими отношениями, которые вкладываются в эти внутренние границы. Чем больше политические элиты вкладывают в идентичность сакральные смыслы и уникальные черты, тем больше она закрепляется и поддерживается, производится и входит в сознание людей» (там же).

В контексте коммуникативного подхода идентичность трактуется как формирование универсальных ценностей в процессе передачи информации. Исследуя проблемы формирования европейской идентичности, немецкий философ Ю. Хабермас отмечал: «Наша задача состоит не только в том, чтобы убедиться в ее общем происхождении со времен Европейского Средневековья, но и в том, чтобы развить новые политические амбиции, соответствующие роли Европы в мире XXI века»

(цит. по: Бауман, 2004: 68). По мнению Ю. Хабермаса, в европейской культуре в будущем может произойти дифференциация общей политической культуры и обособленных национальных традиций в искусстве, литературе, историографии, философии и т. д. Как полагает философ, европейский конституционный патриотизм должен появиться на основании различных интерпретаций, которые соответствуют тем самым универсалистским правам и конституционным принципам, но в контексте различных национальных историй (Хабермас, 2008: 67–68).

В целом состояние исследования феномена идентичности в современной политической науке характеризуется следующими чертами. Во-первых, наметился отказ от упрощенного восприятия идентичности как маркера фиксации различий между группами, сообществами и обществами. Во-вторых, внимание исследователей концентрируется на процессе политической презентации, артикуляции и интерпретации символов, которые сообщают идентичности универсальные смыслы. В-третьих, выявлены социально-экономические условия и политические факторы, влияющие на процесс конструирования групповой и персональной идентичности. В-четвертых, в анализе акторов процесса конструирования идентичности произошло смещение акцента с групп на роль в этом политических элит и политического класса. В-пятых, заметно возрастание прикладной ориентации исследований, связанной с поиском адекватного рационального инструментария, которой позволяет сформулировать конкретные рекомендации по формированию когерентной идентичности.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО МНОГООБРАЗИЯ

В условиях глобализации трансформируется роль институтов национального государства в процессе формирования политической идентичности. В современном мире национальные государства в их классическом понимании не могут в полной мере обеспечить культурный суверенитет и конструировать идентичность по этническим и территориальным признакам, в том числе языковым и культурным. Именно такую роль выполняет сложный синтез политических, экономических, ценностных, культурных, информационных и других основ субъективного самоопределения граждан.

Как показывает практика, глобализация во всем ее многообразии форм оказала решающее воздействие на интенсивность и темп социальных изменений, ускорила движение капиталов, людей и вещей, трансформировала институты и культурные нормы общества, способы восприятия реальности и модели поведения личности. Однако ее революционное влияние состояло в сломе линейной модели восприятия социальной реальности, способов ее конструирования и принципов самоидентификации личности в границах обществ нелинейной динамики. Глобализация изменила механизм конструирования субъективной идентичности и формы ее репрезентации. Это нашло выражение в том, что глобализация трансформировала способы распознавания событий и явлений участниками мир-системы. Смена базовых парадигм жизнедеятельности личности и общества, неэффективность социальных институтов, эфемерность культурных проявлений породили кризис смыслов. В этих условиях, как отмечают М. Кастельс и П. Химанен, «идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов (Кастельс, Химанен, 2002: 27). При этом «люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, а на основе того, кем они являются, или на основе своих представлений о том, кем они являются» (там же).

В традиционных и индустриальных обществах идентичность физического лица была четко фиксированной и прочной, поскольку социальные роли были строго определены, а соответствующая мифология и идеология жестко регламентировали сферу мышления и поведения. По мнению польско-американского социолога З. Баумана, глобализация принесла с собой уязвимость и ненадежность условий жизни. Это проявляется в комбинации личностных переживаний «ненадежности (работы, существующих прав и средств к существованию), неуверенности (в их сохранении и будущей стабильности) и отсутствия безопасности (собственного тела, своего «Я» и их продолжений: имущества, соседей, всего сообщества)» (Бауман, 2005, 183). В обществе модерна, несмотря на всю условность социальных ролей, существовала устойчивая совокупность идентичностей. В условиях глобализации она сменилась неустойчивой множественностью привязанностей. Особую роль в этом сыграли новые медиа и социальные сети. Жизнь индивида в глобализирующемся мире была подвергнута глобальной информационно-коммуникативной экспансии, которая навязывает новые жизненные стили и образцы привязанностей. Следствием этого стала качественно новая динамичность, мобильность, инверсия социальных ролей. Быстрые и повседневные изменения в массовой культуре культивировали изменения в механизме культурного наследования, который перестал воспроизводить типичные идентификационные ориентации.

Революционные сдвиги в информационных технологиях, их стремительное распространение по всему миру радикально изменили модели коммуникации между людьми. Включенность в единое информационное пространство позволяет навязывать индивидам новые социальные роли, превращая их одновременно в участников различных социальных процессов. Как полагает известный итальянский социолог А. Мартинелли, влияние глобализации на современное общество состоит в радикальном ускорении социальных изменений, нарастающей взаимозависимости, интенсификации отношений во всем мире. Глобальная взаимозависимость предполагает формирование у индивидов нового ощущения пространства и времени: благодаря интернет-технологиям пространство сжимается, а время сокращается. Интернет отделил пространство и время друг от друга. Теперь социальные отношения больше не зависят от физического присутствия акторов в одном месте в одно и то же время. С помощью символических универсальных средств торговли и абстрактных схем научно-технического знания они «изымаются» из специфических контекстов интеракции и реорганизуются во времени и пространстве (Мартинелли, 2006: 18).

Нынешнее состояние современности британский социолог Э. Гидденс определил как «радикальный модерн». Характерной чертой общественного сознания этого общества является чувство фрагментарности и дисперсии социальной реальности. Интенсивность миграционных потоков, нарастающее межцивилизационное взаимопроникновение, размывание культурных границ приводят к трансформации механизма культурного наследования. В итоге изменились практики воспроизводства национальной идентичности, которые обрели значительную вариативность, динамичность, гибкость, пластичность. В результате процессы идентификации и самоидентификации становятся более сложными, неоднозначными, многоуровневыми и многомерными. По этой причине, по Э. Гидденсу, человек эпохи постиндустриализма теряет уверенность в собственной идентичности. В этих условиях выживание превращается в постоянный процесс переосмысления индивидом или группой содержания собственной идентичности, подтверждения или отрицания принадлежности к определенным сообществам путем выявления тех признаков, с которыми они себя отождествляют (Гидденс, 1994: 113).

Нарастающее социальное разнообразие, вызванное глобализацией, порождает не только сложность процесса идентификации, но и вызывает у личности известную тревогу и панику. В этой связи З. Бауман справедливо замечает: «...проблема, которая мучает людей... состоит не в том, как получить выбранную идентичность и заставить окружение признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее выбранная идентичность потеряет ценность или лишится соблазнительных черт. Главной проблемой является не то, как найти свое место в жестких пределах класса или страты и, найдя его, сохранить и избежать изгнания; человека раздражает подозрение, что границы, в которых он с таким трудом проник, вскоре разрушатся и исчезнут» (Бауман, 2005: 185)

Новый способ распознавания реальности — постмодерн, утвердившийся в 70-е гг. XX в., заявил о себе радикальным отрицанием наследия модерна. Прежде всего он опротестовал стремление модерна к четкости, однородности, рациональности. Упор на разнообразии и многосмысловости, апология полиперспективности и двусмысленности, своеобразный «панлиберализм» привнесли в гуманитарные исследования новый взгляд на гетерогенность, мультикультуральность, транснациональные культурные формы, фрагментацию. Само понятие постмодернистской ситуации сегодня ассоциируется с состоянием социокультурной нестабильности. Субъективность распадается, заменяется бесконечным множеством масок-симулякров. Как замечал французский философ Ж. Делез, современный мир — это мир, искусственно созданных смыслов (симулякров). Поэтому вместо идентификации следует говорить об индивидуации, способной порождать одни и уничтожать другие пространства значений. В отличие от идентификации, индивидуация всегда существует в определенной ситуации, в известной степени она порождена этой ситуацией, но она также способна трансформировать ситуацию. Именно поэтому «“постмодерная идентичность” представляет собой совокупность стратегий выживания или завоевания определенной социальной лакуны, когда акцент с внутреннего измерения свободы переносится на сферу культурного воображаемого, переопределяются отношения между Смыслом и Субъектом» (цит. по: Дьяков, 2015: 3).

Постмодерн как «мир фрагментарной мнимой реальности» (выражение Э. Тоффлера) конструирует псевдоаксиологические матрицы. Они перестают играть роль факторов, которые объединяют индивидов в культурно-исторические общности людей. Индивидуализация, навязываемая массовой культурой через СМИ, разрушает социальные общности. Место традиционной идентичности занимает виртуальная, основанная на подражании, которая создает иллюзию возможности свободного выбора любой идентификационной модели. С одной стороны, СМИ и интернет-технологии заметно расширяют диапазон индивидуальных ментальных привязанностей, а с другой стороны, приводят к утрате собственного «Я». Индивидуализация формирует новый тип общества — «общество с сетевой структурой» (networked society).

По мнению немецкого социолога У. Бека, постиндустриальное общество превратилось в индивидуализированное общество риска. Однако риски не уходят корнями в прошлое, скорее, они связаны с настоящим и будущим. При этом будущее воспринимается как вымышленное, конструируемое, несуществующее. В этой связи ориентации людей на социокультурные ценности и коллективные структуры индустриального общества пришли в противоречие с процессом индивидуализации постиндустриального общества. Согласно У. Беку, индивидуализация не означает изоляцию, а предполагает активное оформление индивидуальных биографий, укрепление взаимосвязей и создание новых форм солидарности, основанных на индивидуальных связях (Бек, 2001: 37)

Таким образом, поддержание стабильной социальной идентичности в быстро меняющемся мире принципиально недостижимо. Повседневная жизнь превращается в комплекс реакций на абстрактные схемы, культивирующие меняющиеся социально-идентификационные привязанности личности. В этой ситуации особое значение приобретает саморепрезентация актов самоидентификации, визуальная демонстрация принадлежности к социальной или национальной общности. Чтобы оставаться самими собой, индивид или группа должны постоянно подтверждать собственную самоидентичность. Как замечает Л. Дробижева, возникает парадоксальная ситуация: «...если в недалеком прошлом изменение идентичности предусматривала маргинализацию, то в сегодняшнем мире риска оказаться маргиналами больше подвергаются те, кто сохраняет идентичность, вопреки изменениям объективной социальной ситуации и не способны принять новые социальные реалии» (Дробижева, 2008: 215). Следовательно, человек постоянно стоит перед вопросом «Кто я/мы?».

В условиях возможных и реальных разрушений идентичностей перед индивидом постоянно стоит задача конструирования и приобретения новых жизненных смыслов. Однако в ситуации быстрых социальных изменений у человека нет времени на рефлексию своей идентичности. Крайний динамизм изменений в социальных практиках и мышлении настолько быстр, что вынуждает индивида искать новые формы социальной репрезентации, которые позволят интегрироваться в новую систему отношений и соответствовать требованиям времени. Мир становится ускользающим, он обретает нелинейную социокультурную динамику, что выражается в нарастании неопределенности, неравновесности, случайности и непредсказуемых флуктуаций, что меняет парадигму жизненных стратегий индивида как набора социальных импровизаций на меняющиеся условия жизни. Феномен множественности идентичности отмечают профессора Университета Сити в Лондоне З. Сардар и М. Дэвис: «Один и тот же человек может быть индийцем по происхождению, мусульманином, гражданином Франции, жить в США, быть поэтом, женщиной, вегетарианцем, антропологом, профессором в университете, поддерживать христианскую веру, быть рыбаком, верить в внеземную жизнь и в то, что пришельцы из космоса летают по Вселенной в хорошо сконструированных летающих тарелках» (Сардар, Дэвис, 2003: 51).

Источники определения национальной самобытности стали зыбкими. Все те вещи, которые давали нам уверенность в самих себе, такие как национальные территории с однородным населением, стабильные местные общины, история, национальные традиции и т. п., — все это утратило свою значимость. «Бытие-в-рамках» трансформируется в «бытие-на-границах» или даже «бытие-сверх-пределами». З. Бауман резюмирует: «Идентичность кажется фиксированной и твердой лишь при поверхностном осмотре извне. Какой бы твердостью она ни обладала, при рассмотрении изнутри, с точки зрения собственного биографического опыта, она кажется хрупкой, уязвимой и такой, постоянно раздираемой внутренними силами, которые раскручивают ее текучесть, и внешними воздействиями» (Бауман, 2004: 86). Например, если взять территорию, которую именуют Великобританией, то и здесь не осталось почти ничего, что отражало бы данное название. Население стало мультиэтничным, исторические вещи, которые некогда ассоциировались как английские — империя, палата лордов, охота на лис, национальный гимн и т. д., стали несущественными и неважными для большинства людей, которые в настоящее время населяют страну. Кроме того, «английский дух» становится все более малозаметным, если рассматривать его в контексте нового европейского самоопределения.

Глобализация оказала существенное влияние и на состояние российской национально-культурной идентичности. Конструирование форм современной демократической идентичности в России происходит достаточно противоречиво. С одной стороны, заметны движения в направлении усвоения определенными целевыми аудиториями универсальных (либеральных) западных моделей когерентной (множественной) идентичности, а с другой — очевидно стремление сформировать набор базовых принципов социальной сплоченности и ценностных ориентиров, находя их в российской истории и культуре.

Отечественные авторы, исследующие данную проблематику, справедливо отмечают, что политические практики по формированию национальной идентичности подвергаются воздействию традиционного раскола — идейного и культурного. В условиях модернизации процесс конструирования новой национальной идентичности России связывается, с одной стороны, с риском идеализации прошлого, а с другой стороны, несет угрозу историко-культурного забвения, подмены исторических фактов, трансформации символического пространства. Как замечает Л. Дробижева, обращение к «национальным травмам», которое слишком часто служит достижению краткосрочных политических целей, отзывается в коллективном сознании своеобразным «лакримогенезисом» (термин М. фон Гагена) — постоянным «жалобным плачем» по поводу вечных потерь и страданий. Хотя иногда важнее искать модули общественных преобразований и меняться вместе с ними, нежели вечно «быть собой» вчерашним. (Дробижева, 2008: 221)

Переход России от традиционного к современному обществу, рынку и демократии означал формирование в сознании граждан плюрализма жизненных миров и конкурирующих смыслов как результат усвоения ценностей политической свободы. В условиях глобализации конструирование национально-культурной идентичности в современной России призвано выступать ментальной предпосылкой создания гражданского общества, опирающегося на прочную социальную солидарность и чувство идентичности. Очевидно, что национально-культурная идентичность является результатом совместных усилий государства и нарастающих форм социальной самоорганизации. Как показывает зарубежный опыт, совместные усилия различных институтов гражданского общества, направленные на укрепление социального государства, расширение демократических инициатив и форм участия граждан, эффективны в том случае, если опираются на поддержку государственных институтов. Решение задачи построения национально-культурной идентичности в условиях многообразия этнокультурных и других видов коллективной и субъективной идентичности представляется делом непростым, но достижимым. Реализация данного проекта станет реальным шагом на пути укрепления российской государственности и социальной солидарности общества. Механизм социокультурной модернизации в России гипотетически может развиваться по двум трекам. Во-первых, заимствование модели мультикультурализма, который был положен в основу формирования конфедерации под названием Европейский союз. Однако, как показал опыт ЕС и признания самих лидеров Германии и Франции, проект построения мультикультурного общества провалился. Во-вторых, создание консенсусной модели развития, наподобие «нового общественного договора», но без разделения на нации и этносы, которая будет всякий раз релевантна уровню угроз и рисков, благодаря механизмам социокультурной модернизации и технологиям эффективного социального инжиниринга.

Однако реализация подобных сценариев для России проблематична. Формирование демократической национально-гражданской идентичности в России, как и на всем посткоммунистическом пространстве, осложнено действием разнонаправленных факторов: высоким уровнем региональной идентификации; наличием «советской идентичности» и преобладанием ее на определенных территориях; социальными и экономическими мотивами в процессе самоидентификации, обусловленными низким уровнем доходов у большинства населения; корреляцией национальной идентичности (языковой, культурной) с этническим составом населения определенной местности; амбивалентностью идентичностей как проявлением «расколотого сознания», «двойной идентичности»; спецификой языковой, этнической, конфессиональной ориентации, которая имеет региональное измерение. В политическом пространстве национально-гражданская идентичность проявляется в восприятии и отношении к историческим событиям и перспективам общественно-политического развития.

В ПОИСКАХ РЕЛЕВАНТНЫХ ФОРМ СОЦИАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Проведенный анализ показывает, что одним из системных кризисов современности является кризис идентичности, вызванный, главным образом, глобализацией и сменой технологического уклада. Их следствием является нелинейная динамика развития, формирующая общество риска. Немецкий социолог У. Бек отмечает: «Общество риска подразумевает, что прошлое теряет свою детерминирующую силу для современности. На его место — как причина нынешней жизни и деятельности — приходит будущее, т. е. нечто несуществующее, конструируемое, вымышленное. Когда мы говорим о рисках, мы говорим о чем-то, чего *нет*, но что могло бы произойти, если *сейчас* немедленно не переложить руль в противоположном направлении» (Бек, 2001: 175–176; курсив источника. — Р. М.). Атрибутивным свойством общества риска становится неопределенность, вызывающая чувство страха и паники у населения, которые проникают во все сферы жизни.

В условиях неопределенности происходит трансформация агентов социализации. Прежние агенты социализации — семья, школа, университеты — «уступили» свое место Интернету и социальным сетям. Изменилась структура факторов групповой и индивидуальной принадлежности, алгоритма их воздействия на процессы восприятия и оценивания реальности в полиэтничных и моноэтничных обществах. В механизме современных процессов субъективного самоопределения граждан произошла переоценка факторов построения консолидирующих ценностных систем. Когнитивные, социокультурные и мировоззренческие размежевания в «обществе риска» оказались более дробными и подвижными, чтобы их можно было консолидировать в привычные схемы восприятия и оценивания реальности. Прежняя гражданская модель политической нации в рамках национального государства сегодня переживает глубокий кризис. Яркой иллюстрацией распада сложившихся моделей идентичностей стал захват 6 января 2021 г. здания Конгресса США сторонниками президента Д. Трампа, которые не были согласны с результатами прошедших выборов 3 ноября 2020 г. Американская нация раскололась на два антагонистических лагеря: консерваторов и либералов, некогда консолидированных на основе мифа об «американской мечте».

Глобализация изменила удельный вес различных факторов в механизме субъективного и группового самоопределения. После окончания холодной войны возросла роль цивилизационной идентичности в качестве маркера субъективной принадлежности индивида. Цивилизационная идентичность отождествляет индивида,

группу, народ с местом в системе отношений в определенной цивилизации. Основу цивилизационной идентичности априори составляет большое межэтническое сообщество, опирающееся на единство исторической судьбы разных народов, связанных культурными ценностями, нормами и идеалами. Среди факторов влияния на процесс формирования цивилизационной идентичности следует отметить социокультурные и геополитические. К социокультурным детерминантам цивилизационной идентичности относятся язык, религия, культура, система ценностей, а к геополитическим — внешнее окружение и международная политическая ситуация.

До недавнего времени в структуре групповой и субъективной репрезентации доминирующая роль принадлежала национально-культурной идентичности, которая объединяет типы ориентаций и формы социализации, которые складываются на основе коммуникации. Только тогда социальные коллективы являются устойчивыми, когда их члены добровольно сплачиваются вокруг ценностей культуры. Именно культура является тем генетическим кодом, который обеспечивает развитие человечества в русле традиций и ценностей, созданных им в ходе эволюции. Можно предположить, что национально-культурная идентичность по-прежнему способна обеспечить необходимый уровень устойчивости взаимоотношений между людьми, сделать возможным их включенность в жизнь сообщества. Для формирования нации основополагающее значение имеет национальная культура, что не отрицает возможности гармоничного сосуществования внутри нее различных культур, составляющих ее единство. Данный подход не отменяет своеобразия локальных культур, а наоборот, объединяет различные культуры в рамках одного государства в национально-культурную целостность. С аналогичным феноменом сталкиваются многие страны. Поиск путей решения проблемы, связанной с гетерогенностью, оказывается успешным там, где он ведется в рамках диалога культур и консолидации их ценностей. Классическим примером того, где совместная политико-культурная самоидентификация выделяется на фоне культурных ориентаций различных национальностей, являются Швейцария, Голландия, Бельгия, Австрия, Люксембург.

Не менее актуальным для создания механизма социокультурной модернизации является вопрос о соотношении национально-культурной и религиозной идентичности. В этом контексте достаточно интересной представляется позиция американского политолога Ф. Фукуямы. Анализируя американскую склонность к объединению, Фукуяма видит ее основную причину в сектантской природе протестантизма (Фукуяма, 2004: 467). По его мнению, запрет установления государственной религии на федеральном уровне, закрепленный в Конституции США, означал признание принципа дуализма светской и духовной жизни. Напротив, в большинстве европейских стран с целью создания единой национальной и конфессиональной идентичности был реализован принцип «огосударствления» религии, призывавший граждан к сотрудничеству не только в рамках единой политической системы, но и общей национальной культуры. Фукуяма замечает: «...в странах с официальной церковью, где религиозная идентичность избирается не по своей воле, а по факту рождения, люди склонны не только к секуляризму, но и, во многих случаях, к открытому антиклерикализму. Наоборот, граждане стран, не имеющих официальной церкви, обычно ведут более искреннюю религиозную жизнь» (там же: 467–468). Несмотря на частичную секуляризацию протестантских общин, специфические черты протестантского этоса: трудолюбие, способность к самоорганизации и сотрудничеству, согласно Ф. Фукуяме, превратились в общенациональные.

Практика показывает, что в определенные периоды истории в конкретной стране общая вера, будучи элементом национальной культуры, способна быть идентифицирующим фактором. Сегодня, в условиях растущего влияния массовой культуры и кризиса смыслов, религиозный фактор вместе с этническим рассматривается в качестве ценностной основы субъективной и коллективной идентичности. Более того, по мнению Ф. Фукуямы, при отсутствии альтернативных форм общественного устройства в странах Западной и Восточной Европы нация и этнос стали главными маркерами идентификационных репрезентаций.

Тем не менее нельзя не заметить, что в условиях глобализации и информационно-коммуникативной революции прежний тип гражданской идентичности, связанный с принадлежностью к государству, исчерпал себя. На смену ему приходят новые типы идентификационных моделей. В науке выделяют доминантный, лиминальный, когерентный — в зависимости от того, какие виды коллективной идентичности составляют ядро страновой модели (Астафьева, 2006: 4–10). Подобная типология достаточно условна, поскольку реальная идентичность не существует в виде жестких моделей.

В странах развитых демократий преобладает доминантный тип идентификации, в котором культивируются коллективные идентичности (национальная, гражданская, региональная, культурная, этническая, религиозная, политическая, транснациональная и др.), востребованные временем. Две или три вида коллективных идентичностей в западных демократиях образуют ядро с доминантным идентификационным типом. Другие виды коллективных репрезентаций составляют периферию идентификационной модели. Идентичности внутри ядра согласованы на основе ценностей либеральной демократии. Напротив, между идентичностями ядра и периферии возможны конфликты. Так, для западных демократий характерен конфликт глобального либерализма (ядро) и консерватизма (периферия) в Западной Европе и США.

Для государств, которые осуществляют социокультурную или цивилизационную модернизацию или находятся в процессе поиска своей идентификационной модели, присущ лиминальный (промежуточный, переходный) тип социальной репрезентации. Для него характерно отсутствие механизма социокультурной модернизации, слабое ядро коллективных идентичностей или его полное отсутствие. Лиминальный тип отражает значительную неустойчивость модели национально-культурной идентичности, раздираемой противоречиями между этническими и религиозными репрезентациями, транснациональными, культурными и религиозными формами самоопределения, религиозными и гендерными идентичностями и т. д.

Новым, зарождающимся типом социального самоопределения является «мерцающая идентичность». По своей структуре данный тип идентичности близок к лиминальному типу и характеризуется крайней нестабильностью. Однако в отличие от лиминальной идентичности, для мерцающей совместимости характерна позитивная тенденция формирования доминантного ядра. Такая модель соединяет идею сохранения идентичности с неотвратимостью ее изменений, осуществляемых без разрывов и искусственных конструкций, которая может быть реализована в кратчайшие исторические сроки. Инвазия новых форм идентичности, как показывает опыт стран Юго-Восточной Азии, может происходить конструктивно и органично.

В условиях информационно-коммуникативной революции формируется новый тип субъективного и коллективного самоопределения — «сетевая» идентичность на основе сетевой информационной культуры. Все типы и формы идентичности приобретают роль политических факторов, которые организуют жизнь и деятельность современных сообществ.

Политическая идентичность призвана интегрировать и регулировать мировоззренческие и социальные размежевания внутри поликультурных обществ. Политическая идентичность проявляется в солидарности индивида с группой, отождествлении с групповыми политическими характеристиками (например, партийная идентификация) (Дробужева, 2008: 18). Кроме того, политическая идентичность связывается с принадлежностью к отечеству политического сообщества и представляет собой процесс выработки и поддержки коллективных смыслов групповой интеракции, которые поддерживают символическое, идеологическое и политическое единство группы. Ценностную и процедурную основу этого процесса составляет национальная политическая культура. Сущностными чертами национальной политической культуры являются модель желаемого будущего, система доминирующих ценностей, интересы политических акторов, процесс конструирования дискурсивных практик, «выгоды» политического класса и др. Для понимания специфики политической идентичности важно учитывать: исторические условия ее формирования; особенности этнического состава населения, религии и конфессии, представленные на данной территории; уровень урбанизации, политическую культуру; уровень институционализации власти и гражданского общества.

На рубеже XX–XXI вв., благодаря технологиям «Soft Power» активизируется процесс конкуренции идентичностей и культурно-цивилизационных платформ, используемых в глобальном противостоянии государств. Это обусловлено обострением противоборства за глобальное господство в современном мире. Однако, поскольку для современной системы международного права «горячие войны» являются процедурами с непредсказуемыми последствиями, то «субъекты глобализации переносят «военные действия» в социокультурную сферу, прикладывая много усилий для распространения собственных ценностей, смыслов, идеалов, культурных образцов и языка, и формируют идентичность. События приобретают черты холодной войны, а «боевые действия» ведутся за сознание и лояльность (идентичность) тех или иных групп населения» (Тишков, 2009: 48). Этот вывод подтверждают протестные выступления 23 и 31 января 2021 г. в России, организованные «Фондом борьбы с коррупцией» блогера-оппозиционера А. Навального, который активно вовлекал в противостояние с властью несовершеннолетних, субъективное самоопределение которых сегодня задается Интернетом и социальными сетями. Как показывает практика, несмотря на кризис национально-культурной идентичности, она по-прежнему остается тем маркером, который позволяет распознавать, изучать и оценивать сущностные свойства политической реальности.

В условиях глобализации вызывает особый интерес формирование идентичности наднациональных сообществ, например ЕС, под влиянием процессов европейской интеграции. После провала политики мультикультурализма конструирование «европейской идентичности» осуществляется вокруг общеевропейских ценностей с акцентом на ее либеральное ядро, что стало основанием становления особого типа идентичности — цивилизационной.

Следует заметить, что известные трудности при анализе транзита национального государства в эпоху глобализации связаны с неточностью и размытостью понимания и трактовки феномена глобализации на концептуальном уровне. До сих пор научным сообществом четко не описаны формы проявления закономерностей и тенденций глобализации, степень ее неотвратимости и пользы для мирового сообщества, не найдены идеи, нормы институты и технологии, способные смягчить социальные противоречия и конфликты, которыми она сопровождается. Также недостаточно исследованы процессы трансформации национального государства в современную эпоху глобализации, переосмысления его роли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Проведенный анализ показал, что глобализация пронизывает все стороны человеческой жизни, способствует пониманию единства взаимосвязанного и взаимозависимого мира. При этом ее влияние далеко неоднозначно. С одной стороны, межкультурное взаимопроникновение существенно обогащает духовную жизнь современного человека, позволяет распознать культурные контексты глобализации, открывает путь к осмыслению истоков плюрализма идентичностей в глобальном мире. С другой стороны, глобализация привела к глубоким и сложным трансформациям, вызванным изменениями информационно-коммуникативных систем и технологий. Информационно-коммуникативная революция не только открыла новые возможности для комфортной жизни человека, но и способствовала формированию информационного неравенства, утверждению режима «цифрового гетто», в соответствии с которым владельцы социальных сетей и мессенджеров навязывают смысловые матрицы восприятия событий, не допуская в информационное поле альтернативные суждения.

2. В условиях глобализации традиционный механизм культурного наследования и технологии воспроизводства идентичности не соответствуют реалиям информационного общества. Кризис идентичности становится нормой, а конкретные формы коллективной и индивидуальной репрезентации диверсифицируются в зависимости от ядра национальной идентичности, актуального для конкретного социума — религиозного, этнического, гражданского, территориального. Глобализация, запустившая процесс реструктуризации субъективных и коллективных идентичностей, обусловила формирование новых практик адаптации к быстро меняющейся реальности. Субъективная идентичность формируется в рамках сложной модели «множественной идентичности», предполагающей подвижную систему ценностей, норм, предпочтений, адекватных меняющейся ситуации. Принцип дополнения характеризует процесс складывания коллективной идентичности, которая будет сочетать различные типы привязанностей, дополняющие и влияющие друг на друга.

3. Распознавание различных типов идентификационных моделей возможно по содержанию идентификационного ядра. В условиях глобализации наиболее перспективной моделью является когерентный тип множественной идентичности. Он соответствует принципам согласованности и взаимной дополнительности многоуровневой системы идентификаций, предполагает эффективный диалог культур, их успешное взаимодействие. Заметим, что данная конструкция не является единственно верной, поскольку социокультурная динамика предопределяет ее гибкость при условии сохранения целостности и общих принципов функционирования.

4. Процесс формирования политической идентичности характеризуется комплексным воздействием многих взаимосвязанных факторов. В нем сочетаются личностный выбор индивида и его психологическая мотивация, групповое измерение политического взаимодействия (здесь можно говорить о региональной идентичности), общественный уровень (национальная идентичность, гражданская идентичность) и измерение цивилизационной идентичности. Именно последняя и становится определяющим фактором политического развития в условиях глобализации.

5. Несмотря на кризис национального государства в условиях глобализации, оно по-прежнему сохраняет доминирующую роль в мировой политике. Однако глобализация будет стимулировать передачу значительных институциональных и статусных полномочий наднациональным органам. Объем делегируемых полномочий будет зависеть от способности внутренних властных институтов государства распознавать и адекватно реагировать на глобальные изменения внешней среды.

6. Современная российская национальная идентичность не представляет собой форму позиционирования социальных общностей, где доминирует один дискурс. В реальности национальная идентичность современной России включает в себя сложный набор конкурирующих моделей репрезентаций, ориентированных на либеральные, социалистические, традиционные, религиозные идеалы и ценности. Под влиянием информационно-коммуникативной революции и глобализации в России формируется когерентный тип множественной идентичности, в которой порой причудливо совмещаются универсальные принципы демократии с базовыми ценностями локальных культур. Заметно изменился и сам механизм конструирования субъективной идентичности, который преимущественно задается Интернетом, упразднивший ее границы и породивший множественность форм ее репрезентации. Доминирующий фактор субъективного и группового самоопределения большинства российского общества — фактор западных санкций, который формирует социальные репрезентации по линии противостояния «Запад — Россия». Сегодня амбивалентность национальной российской идентичности проявляется в разном восприятии определенных исторических событий, личностей, символов. Тем не менее во имя сохранения и процветания российской цивилизации и будущих поколений Россия нуждается в конструировании дискурса, который позволит объединить героическое прошлое предков и устремленность юных в счастливое будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсон, Б. (2016) Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева ; вступ. ст. С. П. Баньковской. М. : Кучково поле. 416 с.
- Астафьева, О. Н. (2006) Транснационализация культурного пространства: государство и проблемы координации коммуникативных стратегий // Обсерватория культуры. № 4. С. 4–10.
- Бауман, З. (2004) Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М. А. Коробочкина ; ред. Е. В. Яновская. М. : Весь Мир. 188 с.
- Бауман, З. (2005) Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. А. Иноземцева. М. : Логос. 390 с.
- Бек, У. (2000) Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой ; общ. ред. и предисл. А. Филиппова. М. : Прогресс-Традиция. 338 с.
- Бек, У. (2001) Что такое глобализация? / пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника ; общ. ред. и предисл. А. Филиппова. М. : Прогресс-Традиция. 304 с.
- Бергер, П., Лукман, Т. (1995) Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М. : Медиум. 323 с.
- Брюшинкин, В. Н. (2010) Особенности исследования идентичности // Ценности и смыслы. № 5 (8). С. 84–93.
- Брубейкер, Р. (2012) Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 408 с.
- Блумер, Г. (2017) Символический интеракционизм / пер. с англ. А. Корбута. М. : Элементарные формы. 346 с.
- Гидденс, Э. (1994) Судьба, риск и безопасность // THESIS. № 5. С. 107–134.
- Гончарик, А. А. (2010) Роль политических элит в формировании региональной идентичности: интерпретация коллективной памяти и мифов // Материалы IX Международной науч.-практ. конф. молодых ученых «Векторы развития современной России: научное знание в контексте современности». М. : МВШСЭН. 147 с. С. 108–116.
- Дробижева, Л. (2008) Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся : Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М. : Институт социологии РАН. 544 с. С. 214–228.
- Дьяков, А. В. (2015) Жиль Делез. Философия различия. СПб. : Алетейя. 504 с.
- Кастельс, М., Химанен, П. (2002) Информационное общество и государство благосостояния. Финская модель / пер. с англ. А. Калинина, Ю. Подороги. М. : Логос. 219 с.

- Мартинелли, А. (2006) Глобальная модернизация: переосмысляя проект современности / пер. с англ. под общ. ред. А. В. Резаева. СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т, Фак. социологии. 227 с.
- Мид, Дж. Г. (2009) Избранное : сб. переводов / сост. и пер. с англ. В. Г. Николаев ; отв. ред. Д. В. Ефременко. М. : ИНИОН РАН. 290 с.
- Сардар, З., Дэвис, М. (2003) Почему люди ненавидят Америку? / пер. с англ. С. Л. Могилевский. М. : Проспект. 240 с.
- Тишков, В. (2009) О национальном идеале и ценностях // Вестник Российской нации. № 3 (5). С. 40–48.
- Хабермас, Ю. (2008) Расколотый Запад / пер. с нем. М. Б. Скуратова. М. : Весь Мир. 192 с.
- Хохлов, И. И. (2007) Наднациональность в политике Европейского союза. М. : Международные отношения. 154 с.
- Фукуяма, Ф. (2004) Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / под общ. ред. М. Колопотина ; пер. с англ. Д. Павлова, В. Кирыщенко, М. Колопотина ; послесловие Д. Травина. М. : ООО «Издательство АСТ». 730 с.
- Brigevich, A. (2012). Peeling Back the Layers: Territorial Identity and EU Supporting Spain // Regional & Federal Studies. № 22 (2). Pp. 205–230.

Дата поступления: 17.11.2020 г.

GLOBALIZATION AND THE CRISIS OF NATIONAL IDENTITY:
IN SEARCH OF NEW FORMS OF REPRESENTATION

R. T. Mukhaev

Plekhanov Russian University of Economics

The subject of this study is the process of transformation of forms of national and subjective identity in the conditions of globalization. The aim of the study is to identify the specifics of the formation of coherent identity under the influence of the challenges of contemporary globalization and limited resources of the national state. The scientific novelty of the research consists in the analysis of new types of social representations in the crisis of national states and construction of the mechanism of cultural inheritance in the model of “democratic citizenship”. Today, national identity is not a form of positioning of social communities, where one discourse dominates. In reality, national identity includes a complex set of competing models of representation focused on different ideals and values. In the conditions of contemporary globalization, a coherent type of multiple identity is formed, which is able to combine the universal principles of democracy with the basic values of local cultures. To an even greater extent, globalization has changed the mechanism of constructing subjective identity, abolished its boundaries and created a plurality of forms of its representation. Globalization has caused a change of ways of identification of events and phenomena by individuals, has generated inefficiency of social institutions, ephemeral cultural manifestations, has generated a crisis of meanings, and as a consequence, a change in the basic paradigms of life of the individual and society. Everyday life has become a complex of reactions to abstract schemes that cultivate changing social and identity attachments of the individual.

Keywords: globalization; national state; national identity; political identity; socio-cultural identity, territorial identity; regional identity; civilizational identity; religious identity

REFERENCES

- Anderson, B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmysleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* / transl. from English by V. Nikolaev; intr. article by S. P. Ban'kovskaya. Moscow, Kuchkovo pole. 416 p. (In Russ.).
- Astafeva, O. N. (2006) Transnatsionalizatsiia kul'turnogo prostranstva: gosudarstvo i problemy koordinatsii kommunikativnykh strategii. *Observatoriia kul'tury*, no. 4, pp. 4–10. (In Russ.).
- Bauman, Z. (2004) *Globalizatsiia. Posledstviia dlia cheloveka i obshchestva* / transl. from English by M. L. Korobochkin ; ed. by E. V. Ianovskaia. Moscow, Ves' Mir. 188 p. (In Russ.).
- Bauman, Z. (2005) *Individualizirovannoe obshchestvo* / transl. from English; ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow, Logos. 390 p. (In Russ.).

- Bek, U. (2000) *Obsbchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* / transl. from German by V. Sedel'nik, N. Fedorova; ed. and preface by A. Filippov. Moscow, Progress-Traditsiia. 338 p. (In Russ.).
- Bek, U. (2001) *Chto takoe globalizatsiia?* / transl. from German by A. Grigor'ev, V. Sedel'nik; ed. and preface by A. Filippov. Moscow, Progress-Traditsiia. 304 p. (In Russ.).
- Berger, P. and Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniia* / transl. from English by E. Rutkevich. Moscow, Medium. 323 p. (In Russ.).
- Briushinkin, V. N. (2010) Osobennosti issledovaniia identichnosti. *Tsennosti i smysly*, no. 5 (8), pp. 84–93. (In Russ.).
- Brubeiker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* / transl. from English by I. Borisova. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics. 408 p. (In Russ.).
- Blumer, G. (2017) *Simvolicheskii interaksionizm* / transl. from English by A. Korbut. Moscow, Elementarnye formy. 346 p. (In Russ.).
- Giddens, E. (1994) Sud'ba, risk i bezopasnost'. *THESIS*, no. 5, pp. 107–134. (In Russ.).
- Goncharik, A. A. (2010) Rol' politicheskikh elit v formirovanii regional'noi identichnosti: interpretatsiia kollektivnoi pamiat i mifov. In: *Materialy IX Mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konf. molodykh uchennykh «Vektory razvitiia sovremennoi Rossii: nauchnoe znanie v kontekste sovremennosti»*. Moscow, Moscow Higher School of Social and Economic Sciences. 147 p. Pp. 108–116. (In Russ.).
- Drobizheva, L. (2008) Natsional'no-grazhdanskaia i etnicheskaia identichnost': problemy pozitivnoi sovmestimosti. In: *Rossiiia reformiruiushchaisia: Ezhegodnik* / ed. by M. K. Gorshkov. Iss. 7. Moscow, RAS Institute of Sociology. 544 p. Pp. 214–228. (In Russ.).
- D'iakov, A. B. (2015) *Zbil' Delez. Filosofiiia razlichiiia*. Saint-Petersburg, Aleteiia. 504 p. (In Russ.).
- Kastel's, M. and Khimanen, P. (2002) *Informatsionnoe obsbchestvo i gosudarstvo blagosostoianiiia. Finskaia model'* / transl. from English by A. Kalinin and Iu. Podoroga. Moscow, Logos. 219 p. (In Russ.).
- Martinelli, A. (2006) *Global'naia modernizatsiia: pereosmysliiaia proekt sovremennosti* / transl. from English ; ed. by A. V. Rezaev. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University. 227 p. (In Russ.).
- Mid, Dzh. G. (2009) *Izbrannoe : Sb. perevodov* / comp. and transl. from English by V. G. Nikolaev ; ed. by D. V. Efremenko. Moscow, INION RAN. 290 p. (In Russ.).
- Sardar, Z. and Devis, M. (2003) *Pochemu liudi nenavidiat Ameriku?* / transl. from English by S. L. Mogilevskii. Moscow, Prospekt. 240 p. (In Russ.).
- Tishkov, V. (2009) O natsional'nom ideale i tsennostiakh. *Vestnik Rossiiskoi natsii*, no. 3 (5), pp. 40–48. (In Russ.).
- Khahermas, Iu. (2008) *Raskoloty Zapad* / transl. from German by M. B. Skuratov. Moscow, Ves' Mir. 192 p. (In Russ.).
- Khokhlov, I. I. (2007) *Nadnatsional'nost' v politike Evropeiskogo soiюза*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia. 154 p. (In Russ.).
- Fukuiama, F. (2004) *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniiu* / ed. by M. Kolopotin ; transl. from English by D. Pavlov, V. Kiriushchenko and M. Kolopotin ; afterword by D. Travin. Moscow, Izdatel'stvo ACT. 730 p. (In Russ.).
- Brigevich, A. (2012). Peeling Back the Layers: Territorial Identity and EU Supporting Spain. *Regional & Federal Studies*, no. 22 (2), pp. 205–230. (In Russ.).

Submission date: 17.11.2020.

Мухаев Рашид Тазитдинович — доктор политических наук, профессор кафедры политологии и социологии Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. Адрес: 117997 Москва, Стремянный пер, д. 36. Тел.: 7- 495-958-23-27. Эл. адрес: muhaev_r@mail.ru

Mukhaev Rashid Tazitdinovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics. Postal address: 36, Stremyanny Lane, Moscow, Russian Federation, 117997. Tel.: +7 (495) 958-23-27. E-mail: muhaev_r@mail.ru